

РАННИЕ ИЗВЕСТИЯ О ТАТАХ В КРЫМУ

Еще в недалеком прошлом на юге Крымского полуострова существовал массив населения, носящего название *tat*. При этом происхождение крымских татар до сих пор остается предметом научных споров, причем, как и время появления термина *tat* в Крыму. В. А. Сидоренко справедливо отметил, что распространение термина *tat* в Крыму было связано с пребыванием здесь турок-османов после 1475 г. [Сидоренко 2003, 143]. Казалось бы, данные письменных источников позволяют придерживаться именно этой даты.

Так, одно из первых упоминаний о татах относится к концу XVI в., где подтверждается более ранняя информация, согласно которой город Киркиер (Чуфут-Кале) относился к области татар. Речь идет о ярлыке крымского хана Девлет-Гирея от 999 г. х. (1590–1591 гг.) начальнику крепости Киркиер, которому вменялось в обязанность взимать налог “с привозимых *tat-райя* дров – с каждого бревна по 2 акча” [Протоколы заседаний... 1912, 27]. В данном случае весьма показательным, что относительно татар был применен термин *райя*, распространенный в Османской империи. В связи с этим особый интерес представляет определение термина *райя*, которое предложил Г. Инальджик: “В наиболее широком понимании слова райя мусульмане или христиане были подданными империи, которые, в отличие от военного сословия, являлись производителями и платили налоги. В более узком значении райя являлись крестьянами, которые отличались от жителей городов и кочевников, имевших другой статус” [Инальджик 1998, 122]. Следовательно, под татами следует подразумевать облагаемое налогами сельское население Южного Крыма. В связи с этим следует согласиться с мнением В. А. Сидоренко, что термин *tat* при турках-османах имел функции не этнонима, а социального термина [Сидоренко 2003, 143–146].

Известно также, что в начале XVII в. с этого населения брали различные налоги, о чем может свидетельствовать налоговый список населения Кафы, Ески-Крыма (Солхата) и окружающих деревень, составленный в 1630 г. сборщиком налогов Хасаном Агой. По его словам, сборщик налогов “приходит в землю татар, причиняет много беспокойства, заносит мальчиков в возрасте 4–5 лет в налоговые списки и собирает налог из отобранных”. По мнению Э. Шютца, в данном случае речь идет о налоге детьми – *девширме*, которых подвластные туркам-османам народы, в первую очередь из числа христиан, обязаны были поставлять в султанское войско [Schütz 1977, 84–86].

О том, что в начале XVII в. таты проживали в сельской местности и также находились вблизи Кафы и Судака, свидетельствует Армянская хроника 1615–1648 гг., составленная монахом Хачатуром из Кафы. По его данным, в 1622 г. казаки на 33 судах прибыли в порт Кафы и напали на город и окрестности. Кроме того, “также они разорили сады на земле *tatov*”. В 1629 г. казаки снова напали на побережье Крыма, в результате атаки подвергся и Судак, а также были причинены “разорения на земле *tatov*” [Schütz 1977, 83–84]. В. Д. Смирнов приводит данные из донесения крымского хана в Порту о событиях, разыгравшихся в Крыму в 1649 г., т. е. во время похода крымского хана в Польшу. В то время нападению донских казаков подвергся буквально “берег под

названием татский иль, находящийся возле Балкльги (Балаклавы. – О. Б.)” [Смирнов 1887, 542]. Исходя из этого, можно считать, что в первой половине XVII в. поселения татов располагались в горах и на побережье не только Восточного Крыма, но и юго-западной части полуострова, т. е. на территории не только собственно Крымского ханства, но и земель, находившихся под непосредственным управлением османской администрации. Как видим, эта территория татов имела особое название.

Это нашло отражение также в содержании фирмана крымского хана Мухаммеда IV к митрополиту Крымскому Давиду, который был послан в 1062 г. х. (1652 г.): “Да будет известно, по получении сего Высочайшего фирмана, достопочтейнешим из кадиев и судей – рудникам доблестей и слова – *Тат-элискому*, Карасускому, Балаклавскому и Козловскому кадиям... что состоящий митрополит по моему Высочайшему берату над неверными *Тат-эли* и принадлежащих к нему местностей духовное лицо Давид послал к нашим счастливым дверям человека с прошением, жалуюсь на тех, кто не подчиняется установленным кануном (законом) некоторым религиозным обрядам” [Биярсланов 1889, 81]. В связи с этим особый интерес представляет мнение переводчика фирмана – Мурата Бей Биярсланова, что “Тат-эли – страна, где живут таты” [Биярсланов 1889, 81, прим. 1]. Это сообщение может свидетельствовать также о том, что в середине XVII в. часть татов Южного и Восточного Крыма относились к числу христиан и они имели своего митрополита.

Однако уже во второй половине XVII в. ситуация с использованием термина *тат* несколько изменилась. Об этом могут свидетельствовать довольно подробные сведения о татах Крыма турецкого путешественника Эвлии Челеби, который побывал в Крыму в 1666–1667 гг. Описанию земли татов в его “Книге путешествия” отведено два отдельных раздела, а также некоторые фрагменты из других частей сочинения. Один из них, носящий название “Описание Яйлы Татского иля”, посвящен описанию географического местоположения территории татов и местного населения: “Это высокие горы. С их высшей точки можно без труда осмотреть весь Крымский остров, имеющий форму треугольника. На восток и на запад от вышеописанного Судака – горы Татского иля. Но они опять же входят в кефинский эйялет. Здесь много обрывистых гор и хребтов. Весь народ здесь – греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до 15-ти тысяч, татского народа, стрелков из ружей. Когда они говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка” [Эвлия Челеби 1999, 79].

Не менее интересны данные об этом особом языке татов, содержащиеся в “Главе о наречии, присутствующем в выражениях народа татов-муртатов”: “Так как область татского иля находится в кыбловой (юго-восточной. – О. Б.) стороне Крымского острова, на краю мыса, там есть своего рода трудные слова. Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется” [Эвлия Челеби 1999, 79]. Таким образом, Эвлия Челеби дает нам понять, что часть татов ранее говорила не на греческом, а на каком-то другом языке.

Сведения о географическом положении земли татов дополняет также информация Эвлии Челеби об их соседях: “На север от этих гор лежат степи, и все это татарская земля...” [Эвлия Челеби 1999, 79]. Исходя из сведений турецкого автора, можно предположить, что территория татов практически охватывала весь Горный Крым. Немаловажное значение имеют сведения Эвлии Челеби о религии татов, которых он назвал “муртаты”. По мнению Е. В. Бахревского, переводчика сочинения Эвлии Челеби, термин *муртат* мог представлять собой искаженное слово *мурдад*, что на арабском языке означает “вероотступник” [Эвлия Челеби 1999, 79, прим. 295]. Однако не исключены и другие объяснения этого термина.

В главе “Книги путешествий” Эвлии Челеби, посвященной крепости Эски Кырым, сказано: “...когда Крымский остров был в руках генуэзских франков, хан... из татарских ханов захватил Крым, но в руках неверных остались горы *Татского иля*, находящиеся на берегу моря на обрывистых скалах, и крепости Кефе, Судак, Мангуп, Балаклава,

Инкерман, Сар-керман и множество других крепостей. Половина Крымского острова – степи Олмаган до крепости Орта – стала татарской, и татарский хан заключил с неверными договор о мире, [по которому] половина Крымского острова оставалась франкской, а половина – татарской” [Эвлия Челеби 1999, 80]. Очевидно, Эвлия Челеби подразумевал под “неверными” прежних жителей Татского иля.

Кроме того, Эвлия Челеби упоминает татов не только как жителей Крыма, но и как обитателей соседнего Таманского полуострова. По его словам, в его время, т. е. в XVII в., они проживали в восточной части пригорода крепости Тамань: “В восточной части пригорода имеется базар кафиров, который очень красочен... В большинстве своем жителями его (пригорода) являются неверные таты, греки и армяне” [Эвлия Челеби 2011, 7]. Этот отрывок дает основание полагать, что упомянутые на Тамани таты относились к числу немусульманского населения и их пребывание в крепости Тамань могло быть связано с торговой деятельностью.

В связи с этим особого внимания заслуживает то, что в XVII в. в текстах переписки бахчисарайского двора с московскими царями в титулатуре крымских ханов перечисляются народы, подвластные венценосному правителю династии Гиреев: “Великие Орды и великого юрта Кипчацкие степи Крымского государства и всех нагай и многих татар и меж горских черкас *Татцкой* и Тевкетцкой великий государь благодатный и храбрый Ислам Гиреево царево величество”. Так называли себя крымские ханы. Приведенный текст с некоторыми различиями содержится в большинстве посланий крымского хана российскому царю [Сборник некоторых... 1881, 31; Памятники дипломатических сношений... 1891, 10, 17, 25; Из истории сношений Москвы с Крымом... 1906, 81, 85]. Аналогичным образом обращались и московские самодержцы к крымским ханам: “Единого великого Бога неизчетною милостию и бусурманам закона давшего Пророка Магамметя и четырех учеников его молитвою, великие орды и великого юрта Крымского государства безчисленных многих Татар, и неизчетных Нагай и меж Горских Черкас *Татцкий*, Тавкецкий, и всех многих бусурман великий и благодатный государь превысочайший и правосудный Аноет Гирей царь, Казыгирея царя сын, Девлет Гиреева царева величества внук, великие Орды и великого Юрта” [Памятники дипломатических сношений... 1890, 43].

Особый интерес вызывает то, что крымский хан представлен как “Татцкой и Тевкетцкой великий государь”, что позволяет среди подвластного крымским ханам населения видеть народы *таты* и *тевкеты*. Именно упоминание в титулатуре крымского хана рядом с “межгорскими Черкасами” “тацких и тевкецких народов” дало основание Е. П. Алексеевой считать татов и тевкетов адыгскими племенами и в соответствии с этим локализовать их на Северо-Западном Кавказе [Алексеева 1957, 27]. Однако Н. Г. Волкова была не согласна с выводами Е. П. Алексеевой и считала, что *таты* должны были проживать в Крыму и не относились к адыгскому этническому массиву, как, впрочем, по ее мнению, и тевкеты [Волкова 1973, 46–49].

Однако упоминание со стороны Эвлии Челеби татов не только как жителей Крыма, но и как обитателей соседнего Таманского полуострова [Эвлия Челеби 2011, 7] дает основание поддержать мнение Е. П. Алексеевой, согласно которому фигурирующие в переписке московского и крымского дворов “таты” и “тевкеты” могли быть жителями Северо-Западного Кавказа, а не только Крыма [Алексеева 1957, 27]. Из этого следует, что в позднее Средневековье термин *там* не имел четких территориальных, а возможно, и этнических границ. Хотя нет сомнений в том, что в то время и позже термин *там* в большинстве случаев использовался для обозначения жителей южной части Крымского полуострова.

В XVII в. татов в Крымском ханстве было так много, что для управления ими была учреждена даже государственная должность – *Тат-агасы*. Исследователь архивов крымских ханов Ф. Хартихай по этому поводу отмечает: «Тат-агасы был управляющим земель, известных в делах посольского приказа под именем “татских”. Эти земли были

обитаемы христианами и составляли удел хана; название свое они получили от слова “тат”» [Хартихай 1866, 210]. В. Х. Кондораки считал, что *Tam-agasy* являлся в Крымском ханстве “министром лесных дел, земель и народов, обитавших на южном берегу” [Кондораки 1875, 11, 47]. Вполне возможно, что эта должность была упомянута в документах московского посольства в Крым в 1626–1628 гг. как “Тат-Кирей князь” или “ага Татцкий” [Из истории сношений Москвы с Крымом... 1906, 9, 48, 72, 92]. Со временем татский фактор стал настолько значительным для Крыма, что даже в турецких документах второй половины XVIII в. население полуострова разделялось на две группы – татар и татов [Сборник некоторых важных известий... 1881, 31]. Таким образом, видим, что степные крымские татары и турки-османы в османский период называли “татами” оседлое земледельческое население как Юго-Западного, так и Восточного Крыма, вне зависимости от их происхождения и религии. В данном случае под татами можно также подразумевать просто жителей “Татского иля”.

После официального присоединения Крыма к России и выселения христиан из Юго-Западного и Восточного Крыма в Северное Приазовье термин *tam* не исчез из употребления, а наоборот, стал все чаще фигурировать в записках и отчетах европейских путешественников и ученых, посещавших Крым. Одним из них являлся академик Паллас, который побывал на полуострове в 1793–1794 гг. Исследователь посетил тогда три южнобережных татарских деревни – Кикинепс, Лимена и Симеис – и отметил относительно их жителей, что “собственно крымские татары и считают их не своими, а чужезданными, и называют презрительным именем *Tam*” [Паллас 1881, 150–151]. Спустя несколько десятилетий среди татар Лимены побывал В. Кондораки, который сделал вывод: “...Монголо-татары при входе своем в Крымский полуостров застали на южном берегу особенный народ, который назвали *Tatami* – это мы знаем потому, что и теперь внутри Крыма степные и городские татары называют южнобережных мусульман этим именем, а полосу, начиная от Байдарских ворот до Алушты, Ичелем. Не может быть, чтобы название это относилось собственно к грекам...” [Кондораки 1867, 27–34; Кондораки 1873, 157–159]. Таким образом, имеются основания считать также татами южнобережных татар, проживавших в конце XVIII–XIX вв. как в юго-западной, так и в восточной частях Крымского полуострова.

Относительно оставшихся в Крыму татов во второй половине XIX в. Ф. Брун отмечал, что термин *tam* в его время собственно крымские татары применяют “ко всем инородным обитателям полуострова” [Брун 1880, 240–241]. Аналогичную ситуацию зафиксировали в более позднее время и другие исследователи, посетившие Крым. Так, в начале XX в. С. Васюков отмечал: “Горные татары (их прежде звали *tamy*) не принадлежат к монгольскому племени, напротив, это люди чисто кавказской расы... Горцы исповедуют магометанство, но многоженство не принято у них, и я не встречал даже богатых татар, имевших двух, а тем более трех жен” [Васюков 1904, 14]. В. Минорский в начале XX в. также отметил один весьма интересный факт: “На сегодняшний день ногайские татары Северного Крыма называют именем *Tam* всех мусульман южного побережья полуострова” [Minorsky 1987, 14]. Относительно этого в начале 20-х гг. XX в. Б. А. Куфтин писал: “Татары южного берега представляют группу вполне определенную не только географически, но и культурно. У татар предгорного Крыма они известны под именем татов” [Куфтин 1925, 24].

Такую же ситуацию в конце 20-х гг. XX в. зафиксировал и В. И. Филоненко: “Крымские степные татары, ногайцы, татар южнобережных и горных обыкновенно называют «татами». По данным этого же исследователя, среди крымских татар “название *tam* имеет насмешливое значение, с известной долей презрения, как будто *tamy* даже и не настоящие татары” [Филоненко 1928, 130, 132]. Такое же пренебрежительное отношение к татам было зафиксировано в фольклоре степных крымских татар и даже караимов [Пословицы... 1915, 56, 132].

Относительно сложившейся ситуации В. А. Бушаков высказался следующим образом: “В Крыму татары северных предгорий называли татами население Южного берега, как христианское греко- и тюркоязычное, так и тюркоязычное мусульманское, а ногайцы, которые обитали в степном Крыму, называли татами не только жителей Южного берега, но и всех крымских татар” [Бушаков 1996, 114–115]. Только в XX в. исследователи стали отмечать, что татары Южного Крыма в качестве самоназвания начали использовать термин *tat* [Бушаков 1996, 116]. Как видим, в новое время термин *tat* нес в себе не только территориальное значение, но и социальную нагрузку.

Кроме степных и предгорных татар Крыма, а также караимов, термин *tat* имел распространение и среди греков, переселившихся в 1778 г. из Южного Крыма в Северное Приазовье, в район Мариуполя. Непосредственное отношение к данному аспекту проблемы может иметь информация В. В. Радлова, относящаяся к концу XIX – началу XX в.: “В Крыму, в западной части южного берега я слышал, что татары, живущие к северу от Судака, назывались татами” [Радлов 1905, 899–900]. Аналогичную ситуацию зафиксировал В. Григорович в середине XIX в. среди мариупольских греков в Приазовье: “Поселение, известное под именем мариупольских греков, на самом деле состоит из двух народностей, и это заметно даже в очертаниях лиц. Первая, которую на месте называют *Татами*, вышла из Сугдайской епархии и обитает в 12 или 15 селах. Эти Таты говорят своеобразным греческим языком. Вторая, которой прозвище *базариане*, не зная по-гречески, говорит татарским языком. Она выселилась из Херсонской епархии, что доказывают и названия сел между Севастополем и Тепе-керменом” [Григорович 1874, 5–6].

Сообщение В. Григоровича о неоднородности мариупольских греков подтвердил побывавший в Приазовье спустя несколько десятилетий Ф. Браун: «...одни из них, так называемые *tat*, говорят по гречески; они вышли главным образом из прежних Генуэзских владений южного берега Крыма; – другие, говорящие по-татарски, – суть выходцы из юго-западной горной области Крымского полуострова, т. е. именно из той области, которая до 1475 г. составляла владение Манкупских или “Готских” князей... Что касается языка переселенцев, – продолжает далее исследователь, – то они, как я уже сказал, делятся в этом отношении на две группы: одни, так называемые *tat*, говорят на своеобразном греческом наречии, которое они называют *аила...*» [Браун 1890, 78, 84–85]. Однако из сообщений В. Григоровича и Ф. Брауна так и не ясно, в каком качестве использовался первоначально термин *tat* в среде мариупольских греков – как самоназвание одной из групп этого населения или как обозначение со стороны соседей.

Не внесли определенной ясности в решение этого вопроса и современные исследователи мариупольских греков И. С. Пономарева и Е. И. Назарьев. Они допускают, что в прошлом существовала “двухзначность этнонима *таты*, возможность использования его как относительно румеев (эллинофонов. – *О. Б.*), так и урумов (тюркофонов. – *О. Б.*), которые населяют Северное Приазовье” [Пономарева, Назарьев 2000, 198]. Наблюдения же А. Н. Гаркавца вносят ясность в решение вопроса. По его данным, “урумы и сегодня называют румеев татами” [Гаркавец 1999, 6].

Таким образом, наблюдения упомянутых исследователей позволяют считать, что термин *tat* не использовался в среде мариупольских греков как самоназвание одной из групп этой этнической общности – *татами* называли тюркоязычные выходцы из юго-западной части Крыма своих эллиноязычных соплеменников, вышедших из района Судака. В начале XX в., по данным Б. А. Куфтина, именем *tat* “называют себя и сами татары наиболее глухих деревень Судакского района” [Куфтин 1925, 24]. Информация В. В. Радлова о том, что в конце XIX в. “в Крыму, в западной части южного берега... татары, живущие к северу от Судака, назывались татами” [Радлов 1905, 899–900], позволяет обозначить место первоначального распространения термина *tat* – район Судака. И. С. Пономарева и Е. И. Назарьев, в свою очередь, также отмечают, что “*та-*

тами называли себя татары, которые жили на север от Судака”. “Это, – считают исследователи, – пример распространения слова *таты* в качестве самоназвания в Крыму” [Пономарьова, Назар’ев 2000, 204].

Проведенный автором данной статьи несколько лет назад анализ позволил прийти к выводу, что термин *там* имел широкое распространение среди тюркоязычного населения Евразии, в первую очередь на территориях огузов, и, соответственно, имел обширный спектр семантических значений, а именно: 1) подданный иностранного происхождения; 2) согдиец или ираноязычный житель; 3) несторианский христианин; 4) чужеземец, говорящий на непонятном языке; 5) земледелец – житель оазисов; 6) этнографическое название для обозначения нетюрков; 7) первобытные обитатели; 8) мусульманин-шиит; 9) представитель народов, находившихся под властью тюрок, т. е. таджик; 10) потомок курдов или персов, обитавших в провинциях, подпавших под власть тюрок; 11) класс подвластных людей, живущих вне города; 12) этноним – название и самоназвание представителей этнических групп, проживающих на северо-западе Ирана, в Азербайджане и Дагестане, язык которых походил на персидский, но по ряду особенностей отличался от него; 13) таджик – потомок местного населения, не полностью ассимилированного тюрками; 14) представитель тюркоязычного населения, которое своим происхождением связано с местным дотюркским населением; 15) носитель культурных традиций, распространенных среди основной части местного населения, и т. п. [Бубенок 2004, 206–223]. На этом круг значений термина *там* не исчерпывается. Следует добавить, что вне пределов Крыма среди кипчаков или монголов термин *там* не имел распространения, а если встречался, то там, где проживали по соседству огузы. Поэтому для нас очень важна информация не только о времени первой фиксации термина *там* на территории Крыма, но и о его семантике.

В одной из своих последних публикаций по данной теме В. А. Сидоренко заметил: «наиболее отвечающим условиям появления этого термина в Крыму (не ранее конца XV в.) объяснением его значения можно считать “оседлые”, “покоренные”» [Сидоренко 2003, 143]. И если предложенная семантика слова для османского периода вполне убедительна, то дата появления в Крыму термина *там* – конец XV в. – выглядит весьма поздней. Для такого сомнения есть основания.

Так, немецкий автор первой половины XV в. Иоганн Шильтбергер сообщает о ситуации возле Кафы: “Далее город Киркьер (Karckeri) в хорошей стране, именуемой *Sudi (Suti)*, но которую язычники (татары-мусульмане. – О. Б.) называют *Tam (That, Than)*. Она населена греческими христианами и производит отличное вино” [Иоганн Шильтбергер 1867, 57–58]. В другом месте сочинения Иоганна Шильтбергера среди языков, на которых “служат Богу по греческому вероисповеданию”, на 7-м месте назван “*kuthia* – у язычников *thatt* (тат)” [Иоганн Шильтбергер 1867, 101–102]. По мнению переводчика немецкого текста “Путешествия” – Ф. Бруна, название *kuthia* следует связывать с термином *Готия*, потому что армянское обозначение для Готии – *Kouth* и *Kuti*. Следовательно, по Ф. Бруну, область *Sudi (Suti)* – “ничто иное, как ошибочное чтение армянской формы имени Готии” [Иоганн Шильтбергер 1867, 58, прим. 4; Брун 1880, 236]. Что же касается упоминаемого Иоганном Шильтбергером города *Киркьер (Karckeri)*, то Ф. Брун считал, что это более поздний Чуфут-Кале и он находился там, “где была непременно горная часть Тавриды, или Готия, называемая татарами Тат” [Иоганн Шильтбергер 1867, 57–58, прим. 4].

Известно, что Иоганн Шильтбергер жил в 1381–1440 гг. Он служил оруженосцем у рыцаря Линхарта Рехартингера, с которым участвовал в битве с турками у Никополя в 1394 году, где попал в плен к туркам. После разгрома войск султана Баязида Тамерланом у Ангоры в 1402 г. был в плену у Тамерлана, затем – у его сына Шахруха. Всего провел “среди язычников” более 30 лет. Вернулся в Германию, бежав из рабства в Мигрелии в 1427 г. За годы своих странствий посетил Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию, Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Крым. После освобождения Иоганн Шильтбергер

написал свои воспоминания, которые впервые были изданы в Майнце в 1475 г. [Шильтбергер 1908, 574]. Как видим, информация Иоганна Шильтбергера о Крыме заслуживает доверия, поскольку он сам лично посетил Крым. Однако более ранние сообщения другого европейского путешественника о Крыме не могут вызывать такого доверия, потому что не известно, посетил ли он лично Крым до написания своей книги.

Речь идет об Иоанне III – восьмом католическом архиепископе в Солтани (с 1398 г.). Часто он отождествляется с Иоанном де Галонифонтибусом. Известно, что 26 августа 1398 г. папа Бонифаций IX утвердил Иоанна, находившегося в Риме, на архиепископскую кафедру Солтани в Иране, завоеванном к тому времени Тимуром. Иоанн отправился на Восток, но после победы Тимура над Баязидом при Ангоре в 1402 г. был послан победителем в Европу с известием об этом событии. Около 1423 г. Иоанн выехал из Ирана в Крым, где и провел последние годы жизни, курируя также крымскую епархию. Но значительно ранее этого, в 1404 г., была написана его “Книга познания мира” (*Libellus de notitia orbis*) на испорченной латыни, являющаяся важным источником по истории и этнографии Ирана, Кавказа, Малой Азии и других регионов. В ней также содержатся данные о деятельности в этих странах доминиканцев и францисканцев. В своих описаниях Иоанн основывался как на собственных путевых впечатлениях, так и на информации, полученной от других путешественников, в основном купцов. Кроме того, он пользовался трудами своих предшественников – других средневековых авторов. До настоящего времени сохранилось три рукописи сочинения архиепископа Иоанна [Иоанн де Галонифонтибус].

В своем сочинении “Книга познания мира” он отмечает: “Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народа: *таты* и некоторое число готов. В своей религии они следуют грекам и пользуются греческими буквами. Готы претендуют на происхождение от шотландцев и говорят как англичане. Они живут здесь вдоль побережья близ Кафы, также как и в Татарии и Кумании” [Иоанн де Галонифонтибус 1980, 13]. Именно привязка Иоанном де Галонифонтибусом татов к готам и Кафе заставляет видеть в них группу населения Крыма, а не другого региона. Последнее предположение подтверждают данные этого же автора об этноконфессиональном составе населения “Великой Татарии” (Золотой Орды. – *О. Б.*), куда входила значительная часть Крымского полуострова: “В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, *таты*, воляки, русские, черкесы, леки, асы, аланы, авары, казикумухи, и почти все они говорят на татарском языке” [Иоанн де Галонифонтибус 1980, 15]. Таким образом, есть доказательства того, что в Крыму в начале XV в., т. е. задолго до османского завоевания, проживали таты.

Вопрос в том, представителей какого народа Южного Крыма в золотоордынский период изначально называли татами. Сообщения Иоанна де Галонифонтибуса дают понять, что на рубеже XIV–XV вв. таты являлись соседями готов. Кроме того, данный автор, перечисляя народы с запада на восток, поместил татов после греков, армян, зиков и готов [Иоанн де Галонифонтибус 1980, 15], чем еще раз подтвердил соседство и культурно-религиозную близость готов и татов.

Следует отметить, что во времена позднего Средневековья в Восточном и Юго-Западном Крыму проживали аланы, которые были непосредственными соседями готов и являлись, как и последние, “греческими” (православными) христианами. Нас не должно смущать то, что Иоанн де Галонифонтибус в своем перечне народов Золотой Орды наряду с татами назвал асов и аланов, которых он поместил между черкесами с леками и аварами (аварцами), с казикумухами [Иоанн де Галонифонтибус 1980, 15]. В данном случае в упомянутых асах и аланах логичнее видеть жителей Северного Кавказа.

Информация Иоганна Шильтбергера зафиксировала несколько иную ситуацию, потому что к языку татов он отнес язык населения области *Kuthia* [Иоганн Шильтбергер 1867, 101–102], которую Ф. Брун отождествлял с названием крымской территории *Готия* [Иоганн Шильтбергер 1867, 58, прим. 4; Брун 1880, 236]. Таким образом, уже в

начале XV в. термин *tam* мог использоваться для обозначения двух соседних народов Южного Крыма – аланов и готов. Следовательно, информация Иоанна де Галонифонтибуса могла отражать более раннюю ситуацию, чем данные Иоганна Шильтбергера. На основании этого можно считать, что термин *tam* мог иметь в Крыму такие первоначальные семантические значения, как “некочевник”, “оседложивший” и т. п., а не “ираноязычный житель” и т. п. [Козин 1941, 191–192]. Поэтому со временем термин *tam* мог распространиться и на другое оседложившее христианское население Южного Крыма, имевшее много общего с аланами в культуре и религии.

Как уже отмечалось, возможным первоначальным местом появления термина *tam* являлись земли между Кафой и Судаком, т. е. та территория Восточного Крыма, где жили аланы и где находилась первая официальная резиденция монголов – Старый Крым. Сообщение Иоанна де Галонифонтибуса как раз и отражает ту ситуацию, при которой татары в Восточном Крыму называли “татами” местных аланов. Но, когда в первой половине XV в. крымские ханы обосновались в Кирк-Иере, они перенесли название *tam* на близких к аланам по культуре готов. Это и нашло отражение в сообщении Иоганна Шильтбергера. Следует обратить внимание на выводы А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, согласно которым в первой половине XV в. “заметное место Кырк-орстал занимать в период образования Крымского ханства”, административным центром которого он являлся до XVI в., “когда ханская ставка была перенесена в Бахчисарай”. При этом исследователи указывали на нахождение в данном районе как аланов, так и готов [Герцен, Могаричев 1993, 58–74].

Как уже отмечалось, термин *tam* имел распространение в первую очередь среди тюрков-огузов. В Крыму из их числа в доосманский период следует выделить тюрков-сельджуков. У нас есть сведения о неоднократных миграциях тюрков-сельджуков в Восточный Крым на протяжении всего XIII в. и позже с территории Малой Азии, где обосновались во второй половине XIII в. враждебные Джучидам Хулагуиды.

По данным мусульманского автора Ибн Биби, эмир Чобан, посланный сельджукским султаном Ала ад-Дином Кай Кубадам, захватил Судак. После покорения Судака, свидетельствует далее информатор, Чобан вернулся в Малую Азию, оставив гарнизон и соорудив в городе мечеть [Якубовский 1928, 54–58]. В связи с этим особый интерес представляет мнение А. Ю. Якубовского, согласно которому сельджуки могли захватить Судак в 1221 г. либо в 1222 г., т. е. накануне первого появления монголов в городе [Якубовский 1928, 58–60]. Данные мусульманских авторов свидетельствуют о том, что именно в начале 1223 г., во время своего первого рейда в Восточную Европу, монголы перезимовали в Судаке [Тизенгаузен 1884, 26; Рашид-ад-дин 1952, 229]. Сведения письменных источников позволили В. Г. Ченцовой сделать вывод о последовательности событий, которые произошли в этот период вокруг Судака: “...два события – поход эмира Чобана и нападение татар на Судак – в данном случае ни хронологически, ни логически не могут быть связаны друг с другом” [Ченцова 1996, 176]. О том, что в начале 1223 г. гарнизон сельджуков уже покинул Судак, может свидетельствовать информация Ибн ал-Асира: “Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую (Конийский султанат. – О. Б.), которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана” [Тизенгаузен 1884, 26].

В. А. Сидоренко полагает, что и после 1223 г. сельджуки, известные как “тюрки”, мигрировали в Крым. Причиной этого, по его мнению, могло стать неприятие некоторыми племенами огузов ислама, который они приняли лишь внешне, но в душе оставались христианами. Это привело к восстанию Баба-Исхака в 1239 г. в Малой Азии, в результате которого тюрки-огузы оказались в Румелии и на южном побережье Крыма. Большой интерес может представлять следующее наблюдение исследователя: “Особенно значительной была эмиграция ремесленников-огузов, в том числе строителей, в

которых нуждались города. Посетивший около 1252 г. крымский город Судак францисканский монах Гийом Рубрук отмечал присутствие там тюрок, как можно понимать – огузов. В приписках к греческому синаксарию из Судака содержится много упоминаний христиан с тюркскими именами...» [Сидоренко 2003, 146].

Кроме того, В. Д. Смирнов в своей монографии “Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.” приводит немало свидетельств в пользу и более поздних миграций турок-сельджуков в Восточный Крым. Особый интерес может представлять информация о бегстве сельджуков в Добруджу, откуда они переселялись в Крым. Эта миграция происходила под предводительством так называемого Сары-Салтыка, память о котором нашла отражение в легендах и была окружена ореолом святости. В. Д. Смирнов считал, что это переселение в Крым происходило при участии малоазийского султана Изз ад-Дина Кейкавуса II. Основанием для этого является сообщение придворного поэта турецкого султана Мюрада III, правившего с 1575 по 1595 г., – Сеида Лукмана. Этот средневековый автор об этом переселении сообщает в извлечении из “Огуз-наме”, опубликованном в 1854 г. По Сеиду Лукману, Изз ад-Дин Кейкавус был представлен Берке-хану, который поселил добруджских тюрок вместе с Сары-Салтыком в Дашт-и Кипчак. В результате султану были предоставлены в икта в Восточном Крыму Солхат и Судак. По мнению В. Д. Смирнова, эти события происходили в 1265 г. [Смирнов 1887, 14]. Однако турецкий автор Мюнеджим-баши сообщает, что после смерти Изз ад-Дина в 1278–79 г. его “сыновья перебрались в страны румские, а затем пошли ко двору Абака-хана и там были приняты с почетом” [Смирнов 1887, 23]. Вопрос в том, остались ли остальные сельджуки после этих событий в Восточном Крыму.

Современные исследователи В. А. Сидоренко и О. С. Маврина считают, что это было вполне возможно, и в качестве доказательства этого ссылаются на сообщение Ибн Баттуты, согласно которому в XIV в. “Судак населяют турки и под их покровительством находятся несколько византийцев” [Тизенгаузен 1884, 303]. Однако под “тюрками” Ибн Баттута мог подразумевать не только турок-сельджуков.

Тем не менее есть археологические свидетельства сельджукского присутствия в Восточном Крыму. Так, О. С. Маврина в своей статье на данную тему отметила: «Безсумнівно, ці події відобразились на поширенні в Південно-Східному Криму і в інших частинах півострова певних художніх ідей, які зумовили появу в архітектурі Криму елементів “сельджуцького стилю”. Стиль архітектурних споруд (декор культових будівель, різні деталі мусульманських і християнських храмів, надгробків, а також різний декор некультових споруд, що виробився у Криму в XIV–XVI ст., багато дослідників вважають єдиним, що веде своє походження від середньовічних пам’яток Малої Азії періоду сельджуцьких завоювань, що й визначило його назву як сельджуцького» [Маврина 2008, 101–102].

Таким образом, вполне возможна та ситуация, когда в XIII в. в Судак неоднократно селились беженцы из Малой Азии – турки-сельджуки, которые стали составлять часть населения города. Они, как представители огузов, могли первыми занести в Крым термин *tat*, который они, как горожане, использовали для обозначения местного земледельческого населения, представленного аланами. Стало быть, наиболее вероятным для того времени значением термина *tat* может являться “земледелец”, “некочевник”. Близкое соседство с Солхатом (Старым Крымом) могло способствовать распространению этого термина среди татар с тем же значением. Именно такие семантические значения термина *tat* могут объяснить, почему степные татары вкладывали в данное слово пренебрежительное значение, ибо в глазах кочевников-скотоводов занятие земледелием считалось весьма непочетным занятием, достойным, по их убеждению, лишь людей неблагородного происхождения. Получается, что к распространению термина *tat* в Крыму могли быть причастны не только турки-османы, но и их предшественники турки-сельджуки.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. П.* **Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI–XVII вв.** Черкесск, 1957.
- Биярсланов М.* Мурат Бей Биярсланов. Фирман Мухаммеда IV Митрополиту (крымскому) Давиду, последовавший в 1062 году хиджры (в 1652 году хр. лет) // **Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК)**. № 7. Симферополь, 1889.
- Браун Ф.* Мариупольские греки // **Живая старина**. Вып. II. Санкт-Петербург, 1890.
- Брун Ф.* **Черноморье**. Т. II. Одесса, 1880.
- Бубенок О. Б.* **Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.)**. Киев, 2004.
- Бушаков В.* Етнонім татар у часі і просторі // **Україна в минулому**. Вип. 8. Київ – Львів, 1996.
- Васюков С.* **Крым и горные татары**. Санкт-Петербург, 1904.
- Волкова Н. Г.* **Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа**. Москва, 1973.
- Гаркавец О.* **Уруми Надазов'я**. Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* **Крепость драгоценностей**. Кырк-ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
- Григорович В.* **Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра**. Одесса, 1874.
- Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С. И. Тирбеева в Крым 1626–1628 г. С предисловием Л. М. Савелова // **ИТУАК**. № 39. Симферополь, 1906.
- Інальджик Г.* **Османська імперія**. Класична доба 1300–1600. Київ, 1998.
- Іоанн де Галонифонтибус.* **Сведения о народах Кавказа**. (1404 г.). Из сочинения “Книга познания мира”. Баку, 1980.
- Іоанн де Галонифонтибус.* – <http://ru.m.wikipedia.org>
- Іоганн Шильтбергер.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1421 / Пер. с нем. Ф. Бруна // **Записки Императорского Новороссийского университета**. Т. I. Одесса, 1867.
- Козин С. А.* **Сокровенное сказание** (Юань чао би ши). Москва – Ленинград, 1941.
- Кондораки В. Х.* **Универсальное описание Крыма**. Т. I–II. Ч. 1. Николаев, 1873.
- Кондораки В. Х.* **Универсальное описание Крыма**. Т. I–II. Ч. 8–13. Санкт-Петербург, 1875.
- Куфтин Б. А.* Южнобережные татары Крыма // **Крым**, 1925, № 1.
- Мавріна О. С.* Сельджуки в Крыму (до питання про достовірність свідчень мусульманських авторів) // **Східний світ**, 2008, № 2.
- Паллас.* Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 годах // **Записки Одесского общества истории и древностей**. Т. XII. Одесса, 1881.
- Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Продолжение) // **ИТУАК**. № 10. Симферополь, 1890.
- Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Продолжение) // **ИТУАК**. № 11. Симферополь, 1891.
- Пономарьова І. С., Назар'єв С. І.* До питання формування етноніму “*tat*”, що побутує серед етнічних грецьких груп Українського Надазов'я // **Сходознавство**. № 9–10. Київ, 2000.
- Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Мартино и О. Мурсовым // **ИТУАК**. № 52. Симферополь, 1915.
- Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии (Заседание 26 мая 1911 г.) // **ИТУАК**. № 47. Симферополь, 1912.
- Радлов В. В.* **Опыт словаря тюркских наречий**. Т. III. Ч. I. Санкт-Петербург, 1905.
- Рашид-ад-дин.* **Сборник летописей**. Т. I. Кн. I. Москва – Ленинград, 1952.
- Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма**. Санкт-Петербург, 1881.
- Сидоренко В. А.* Формирование крымскотатарского народа // **Тюркские народы Крыма** (Народы и культуры). Москва, 2003.
- Смирнов В. Д.* **Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII вв.** Санкт-Петербург, 1887.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Санкт-Петербург, 1884.

Филоненко В. И. К вопросу о происхождении и значении слова “тат” // **Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии**. Т. II (59). Симферополь, 1928.

Хартихай Ф. Историческая судьба крымских татар // **Вестник Европы**. Т. II. Санкт-Петербург, 1866.

Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии**. Вып. V. Симферополь, 1996.

Шильтбергер Иоганн // **Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона**. Т. 78. Санкт-Петербург, 1908.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Перевод и комментарии Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Эвлия Челеби. **Описание Северного Кавказа** (Извлечения из сочинения “Сейяхат-наме”). Москва, 2011.

Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // **Византийский временник**. 1927. Т. 25. Ленинград, 1928.

Schütz E. The Tat People in the Crimea // **Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae**. Т. XXXI. Budapest, 1977.